

С.А. Агуреев

Из истории становления русско-эфиопских культурных и общественных связей в конце XIX – начале XX веков

Статья посвящена малоизвестным аспектам из истории развития российско-эфиопских культурных и общественных отношений, в том числе проблеме русской эмиграции в Эфиопию и обучению подданных эфиопской империи в учебных заведениях в России. Автор, используя архивные документы и материалы, воссоздает картину развития общественных связей двух стран, анализирует причины активизации на рубеже XIX–XX веков особого интереса русской общественности к зоне Африканского Рога.

Ключевые слова: русско-эфиопские общественные связи; эмиграция; культурный обмен; общественное мнение.

История возникновения и развития русско-эфиопских общественно-культурных связей насчитывает несколько столетий и уходит корнями в XV век, когда в России появились первые сведения об Эфиопии, принесенные московским купцом Василием Позняковым, посетившим по поручению Ивана Грозного Иерусалим и описавшим службу эфиопских монахов у Гроба Господня. Однако эти сведения носили лишь отрывочный характер и не отличались особой точностью ввиду краткости пребывания автора в Иерусалиме. Более подробную информацию содержат описания известного саксонского ученого Иова Лудольфа, относящиеся к XVII веку и содержащие информацию как о религиозных обычаях Абиссинии, так и об ее внутреннем устройстве (ЦГАДА. Ф. 84. Сношения России с Саксонией. Оп. 1. Д. 8, 9, 10).

Однако первое серьезное проникновение русских в Эфиопию относится к гораздо более позднему времени — к концу XIX столетия, что было связано с превращением красноморского региона в крайне важную транспортную артерию после открытия в 1869 году Суэцкого канала, позволившего связать морским путем Европу с Азией. Стремление Российской империи укрепиться на побережье Красного моря и основать собственные угольные станции для снабжения судов, проходящих через воды Аденского залива, не являлось единственной причиной, предопределившей организацию первых российских экспедиций в Эфиопию. Весьма велика была и научная заинтересованность в изучении региона, определенную роль сыграли и уже существовавшие локальные контакты Русской православной церкви с Абиссинской епархией¹.

¹ В 325 году на знаменитом Никейском соборе эмиссары из Эфиопии приняли христианство в монофизитском исповедании.

С середины 80-х годов XIX столетия интерес россиян к эфиопским событиям получил широкое отражение на страницах российской периодической печати, внимательно следившей за событиями в восточноафриканском регионе. Наиболее влиятельные и популярные отечественные издания, такие как «Вестник Европы», «Нива», «Русское богатство», «Гражданин», «Новое время», «Наблюдатель», «Нижегородские ведомости», «Московские ведомости» и «Вестник Императорского Русского географического общества», публикующие статьи и заметки, посвященные политической истории и религиозным верованиям Эфиопии, анализировали и внешнеполитическую деятельность в регионе крупнейших колониальных держав.

Итало-абиссинская война 1895–1896 годов вызвала волну сочувствия абиссинскому народу в российском обществе, пробудив в русском человеке лучшие христианские чувства — сострадание, любовь к ближнему, желание помочь слабому и угнетенному. Подобная реакция российской общественности на военно-политические события в Эфиопии, ее желание оказать необходимую помощь дружественному России и считавшемуся православным народу стали своего рода катализатором, выявившим отношение различных слоев общества к далекой восточноафриканской стране.

Чуждые всяческого расизма, идеи превосходства белых над остальными, российские подданные, представляющие различные социальные слои, движимые благородным порывом, откликнулись на призыв отечественных газет оказать посильную помощь больным и раненым абиссинцам.

Из Ярославля, Москвы, Малоярославца, Таганрога, Ростова, Кременчуга, Варшавы, Ровно, Киева и Тамбова представителями различных российских сословий и политических взглядов направлялся значительный поток финансовой помощи абиссинцам. Решающая инициатива в организации этой помощи принадлежала ведущим российским газетам, собравшим несколько тысяч рублей пожертвований от частных граждан в помощь больным и раненым жителям Эфиопии. Ответ российских властей на реакцию общественности также не заставил себя долго ждать. Так, уже 15 марта 1896 года во многом под влиянием господствующих в российском обществе настроений на заседании Главного управления Российского общества Красного Креста (далее — РОКК) было принято решение о командировании в Эфиопию санитарного отряда и ассигновании для этой цели 100 тысяч рублей из центральной кассы Общества Красного Креста.

Многие месяцы русские врачи работали в Эфиопии, оказывая медицинскую помощь пострадавшему во время войны мирному населению и пленным итальянцам. Состоявший из опытного медицинского персонала, отправившийся в Эфиопию контингент русских врачей отличался высокими нравственными качествами и профессионализмом и оказал неоценимую помощь местному населению.

Эта самоотверженная и бескорыстная работа русских медиков по оказанию помощи эфиопскому населению явилась еще одним шагом на пути установления и развития русско-эфиопских дипломатических отношений (1897 год), определив

их особую динамику и глубину в период послевоенного для Эфиопии десятилетия (1896–1906 годы). В свою очередь успешное завершение гуманитарной миссии РОКК способствовало зарождению общественно-культурных связей двух стран.

Активному развитию российско-эфиопских общественных и культурных отношений способствовала и установившаяся с конца XIX века практика обучения эфиопских подданных в различных учебных заведениях Российской империи. Как свидетельствуют материалы Архива внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ), с 1897 года по предложению эфиопской стороны целый ряд эфиопских юношей проходил обучение в России. Так, 18 марта 1897 года председатель Российского общества Красного Креста М. Кауфман доносил министру иностранных дел Российской империи М.Н. Муравьеву: «Оставленное в Энтото отделение нашего санитарного отряда в составе 5 лиц под началом доктора Рудзевича, закончив свою деятельность... по оказанию помощи больным и раненым абиссинцам и пленным итальянцам, выступило из Энтото и ожидается в Петербурге 23 или 24 марта» (АВПРИ. Ф. 149. Турецкий стол (новый). Оп. 502 (б). Д. 4895 (1897–1902 гг.). Л. 1).

«Вместе с отрядом, — говорилось далее, — едут в Россию по просьбе негуса Менелика, 5 молодых абиссинцев для получения профессионального образования. Порученное доктору Рудзевичу доставление молодых абиссинцев в Россию, не имеет никакого отношения к РОКК... Вследствие этого позволяю себе просить Ваше Сиятельство не отказать в возможном содействии к устройству этих молодых абиссинцев в России и в указании как поступить с ними по их прибытии» (АВПРИ. Ф. 149. Турецкий стол (новый). Оп. 502 (б). Д. 4895 (1897–1902 гг.). Л. 2). Сохранился и перевод письма императора Менелика II российскому императору Николаю II, выполненный драгоманом российского генерального консульства в Иерусалиме Яковом Хури. В тексте письма выражалась благодарность российскому императору за оказанную помощь РОКК в Эфиопии, а также сообщалось о том, что негус возымел «...ныне желание послать пять молодых людей в Россию, дабы они получили там образование, выучились бы медицине и другим наукам и возвратились бы затем на родину для принесения медицинской помощи и для обучения народа» (АВПРИ. Ф. 149. Турецкий стол (новый). Оп. 502 (б). Д. 4895 (1897–1902 гг.). Л. 23). В тексте письма также выражалась надежда, что посланные на обучение молодые люди будут направлены в Санкт-Петербург и распределены преимущественно в медицинские учебные заведения.

Трое из прибывших были помещены в военно-фельдшерскую школу, а двое — в училище цесаревича Николая. Сохранились сведения и о жизни эфиопских подданных в России. Как свидетельствуют документы АВПРИ, по прохождении курса обучения в ремесленном училище цесаревича Николая, эфиопский юноша Самонегус выдержал письменное и устное испытание. «Предложены были следующие работы: диктант и написать письмо к товарищу, — говорилось в отчете об экзаменационных испытаниях. — Как первая, так и вторая работы исполнены были воспитанником Само-Негусом вполне удовлетворительно, особенно вторая работа, написанная почти без орфографических ошибок и довольно правильным

русским языком» (АВПРИ. Ф. 149. Турецкий стол (новый). Оп. 502 (б). Д. 4895 (1897–1902 гг.). Л. 56). В отчете отмечалось, что испытуемый приобрел необходимые навыки в постановке знаков препинания и продемонстрировал понимание русской речи, а также знание о частях света, океанах, границах крупнейших государств с их столицами. По прошествии нескольких лет учившиеся в России эфиопы благополучно вернулись на родину.

Однако практика обучения эфиопов в России получила дальнейшее развитие, так как в 1898 году правительство императора Менелика II пожелало отправить в Россию на обучение музыке двух мальчиков галласов. 6 августа 1898 года дипломатический представитель Российской империи в Аддис-Абебе П.Н. Власов доносил министру иностранных дел Российской империи М.Н. Муравьеву: «...представитель императора Менелика обратился ко мне с просьбою рекомендовать императорскому правительству, посылаемых им в Россию для получения музыкального образования двух мальчиков-галласов. Просьба эта означает поместить этих мальчиков на счет нашего правительства в одну из военных музыкальных школ на время, потребное им для изучения игры на духовых инструментах настолько хорошо, чтобы впоследствии они могли дирижировать духовым оркестром» (АВПРИ. Ф. 149 Турецкий стол (новый) Оп. 502 (б). Д. 4896. Л. 1).

Не считая возможным отказать эфиопскому императору, но и не давая принципиального согласия, глава российской дипломатической миссии в Эфиопии П.Н. Власов далее испрашивал у министра иностранных дел графа М.Н. Муравьева уведомления «...о том, что Вам благоугодно будет сделать по настоящему ходатайству Менелика, равно указаниями, как должен относиться я к подобным ходатайствам в будущем» (АВПРИ. Ф. 149 Турецкий стол (новый) Оп. 502 (б). Д. 4896. Л. 1).

Однако просьба так и осталась неудовлетворенной ввиду отсутствия таковых школ в военном ведомстве, о чем доносил военный министр Российской империи А. Куропаткин графу М.Н. Муравьеву в письме от 25 ноября 1898 года, одновременно указывая на возможность в случае надобности предоставить им возможность обучаться в одном из кадетских корпусов (см. подробнее: АВПРИ. Ф. 149. Турецкий стол (новый). Оп. 502 (б). Д. 4896. Л. 7).

Эфиопским юношам было предоставлено право проходить обучение музыке при Ширванском полку. 26 марта 1902 года из военного министерства был направлен ответ в министерство иностранных дел Российской империи за подписью генерал-майора Пуяткина: «...Главный штаб имеет честь сообщить, что один из состоящих ныне при 84 пехотном полку, для обучения музыке, абиссинских мальчиков ввиду возникшего предположения об отправлении их обратно на родину, а именно Бася Гаврилиусус, подал прошение об определении его на полный казенный счет в какое-либо низшее учебное заведение, мотивируя свою просьбу желанием поехать на родину, научившись уже хорошо русской грамоте и окончив какое-либо учебное заведение» (АВПРИ. Ф. 149. Турецкий стол (новый). Оп. 502 (б). Д. 4896. Л. 14). Далее военное министерство запрашивало МИД

относительно того, считает ли последнее возможным выделить достаточные средства на содержание эфиопских подданных и их дальнейшее обучение в России или находит нужным отправить их на родину. Впоследствии было принято решение отправить обоих юношей на родину на одном из пароходов Русского общества пароходства и торговли, направлявшегося в Джибути.

Практика обучения эфиопских подданных практиковалась вплоть до 1907 года, когда дипломатические отношения России и Эфиопии заметно пошли на спад. Так, эфиопские юноши проходили обучение в Николаевской кавалерийской школе и первом кадетском корпусе. 30 октября 1904 года в Первый департамент МИД был направлен документ из Главного управления военных учебных заведений, в котором говорилось о желании подданного эфиопской империи Александра Терие по окончании первого кадетского корпуса «продолжить военное образование в Николаевском кавалерийском училище» (АВПРИ. Ф. 149. Турецкий стол (новый). Оп. 502 (б). Д. 4898. Л. 1).

В другом письме из Главного управления военно-учебных заведений за подписью генерал-лейтенанта Будаевского в Первый департамент МИД от 19 марта 1904 года говорилось: «В настоящее время Терие находится в прикомандировании к Николаевскому кавалерийскому училищу до получения согласия Абиссинского правительства на зачисление его на русскую службу, после чего последует распоряжение о зачислении Терие в число юнкеров названного училища» (АВПРИ. Ф. 149. Турецкий стол (новый). Оп. 502 (б). Д. 4898. Л. 5).

Однако на этом переписка обрывается и дальнейшая судьба в России Александра Терие неизвестна. Еще один подданный эфиопского императора Петр Тэкле-Ходариат, проходивший обучение в России, направил ходатайство о поступлении на военную службу без перехода в российское подданство. В запросе Главного артиллерийского управления от 21 апреля 1906 года за подписью полковника Нелидова министру иностранных дел Российской империи говорилось: «Названный юнкер воспитывался в России и окончил курс в первом кадетском корпусе и аттестован его непосредственным начальством с самой лучшей стороны. Предварительно испрошения Высочайшего соизволения на производство юнкера Тэкле-Абиу в подпоручики русской артиллерии, без принятия русского подданства, но с принесением присяги на верность службы, прошу уведомить меня не встретится ли к тому с Вашей стороны препятствий» (АВПРИ. Ф. 149. Турецкий стол (новый). Оп. 502 (б). Д. 4899. Л. 1.)

Для принятия решения по этому вопросу МИД направил запрос в российскую императорскую дипломатическую миссию в Эфиопию. В ответе, который пришел 5 мая 1906 года, со ссылкой на эфиопского императора говорилось: «Тот, который называется юношей Габро Хаториадь, подданный эфиопской империи учился до сих пор в России. Теперь я ему разрешаю поступить на русскую военную службу» (АВПРИ. Ф. 149. Турецкий стол (новый). Оп. 502 (б). Д. 4899. Л. 3).

Как видно из приведенных документов, целый ряд эфиопских подданных жили и учились в России, что стало немаловажным фактором развития

русско-эфиопских общественных и культурных связей на рубеже XIX–XX веков. Спустя многие десятилетия об этом опыте вспомнили в советское время, когда уже десятки тысяч граждан африканских стран учились в СССР, становились инженерами, учителями, дипломатами. Из их числа формировалась элита собственных стран, испытывавшая воздействие русской культуры, что способствовало не только развитию общественных контактов, но и росту авторитета СССР на африканском континенте. Эти принципы были возведены советским руководством в ранг государственной политики, дававшей свои результаты вплоть до распада всего советского социалистического блока.

Современные российско-эфиопские общественные связи продолжают динамично развиваться, используя весь накопленный положительный потенциал двухсторонних отношений. Немалую роль в этом процессе играют устоявшиеся исторические традиции культурного общения, положенные активным проникновением Российской империи в Эфиопию на рубеже XIX–XX веков и обусловленные характером общественной и государственной помощи, оказанной русским народом этой африканской стране в период Итало-эфиопской войны 1895–1896 годов, когда для оказания помощи эфиопскому народу был отправлен отряд Русского общества Красного Креста, выполнивший свою миссию и открывший первый русский госпиталь в Аддис-Абебе.

Еще одним важным фактором развития двухсторонних общественных связей стала эмиграция подданных Российской империи в Эфиопию. Десятки русских исследователей, дипломатов, казаков, художников, врачей, офицеров побывали в Эфиопии в составе множества научно-исследовательских экспедиций и дипломатических миссий, некоторые из них изъявили желание остаться в стране.

Наиболее успешными как в политическом, так и в научном отношении оказались экспедиции В.Ф. Машкова (1889 г. и 1890 г.) и Н.С. Леонтьева — А.Ф. Елисеева (1894–1895 гг.)²; результатом последней стала организация эфиопского посольства в Россию с целью установления дипломатических отношений двух стран [1: с. 26].

Столь же плодотворными оказались и экспедиции, предпринятые в страну русскими путешественниками А.К. Булатовичем и Л.К. Артамоновым, в результате которых были собраны ценные сведения по истории, географии и государственному устройству Эфиопии, имевшие огромное научное значение [1: с. 26–39]. Однако рассказ об этих экспедициях выходит за рамки краткой статьи и требует отдельного изучения. Можно лишь с уверенностью констатировать тот факт, что их проведение способствовало началу хоть и незначительной по масштабам эмиграции в страну, тем не менее в ее результате в Эфиопии возникла российская диаспора, существующая до настоящего времени.

² Кроме этой экспедиции Н.С. Леонтьев предпринял еще две экспедиции в Эфиопию в 1896–1897 и 1899 годы. Впоследствии, находясь на службе эфиопского императора Менелика II, Н.С. Леонтьев стал наместником одной из провинций, удостоившись чести, не выпадавшей никому из европейцев.

И хотя данные, позволяющие судить о жизни российских подданных в Эфиопии, довольно скудны и носят отрывочный характер, с уверенностью можно констатировать, что начало появлению небольшой русской общины в этой стране положило создание госпиталя миссии Красного Креста, возникшего в 1896 году и состоявшего из 4 докторов и нескольких фельдшеров, находившихся в Эфиопии и лечивших местное население. В состав этой немногочисленной русской диаспоры входили и представители российской дипломатической миссии во главе со статским советником П.Н. Власовым, его помощником Н.С. Орловым, корнетами А.К. Булатовичем и И.Ф. Бабичевым, а также сменившим П.Н. Власова в 1901 году поверенным в делах Л.И. Скаржинским [4: с. 11].

Состав миссии периодически пополнялся все новыми лицами, как это было в 1903 году, когда в Эфиопию прибыл новый полномочный представитель российской империи К.Н. Лишин с несколькими офицерами и новыми секретарями миссии. Как видим, основу русской диаспоры в Эфиопии первоначально составляли лишь официальные лица и работники госпиталя Красного Креста, но уже в скором времени ситуация изменилась.

В числе первых российских подданных, оставшихся в Эфиопии, был корнет 25-го Казанского драгунского полка И.Ф. Бабичев, ставший помощником Н.С. Леонтьева в управлении южными провинциями и получивший от правительства титул «фитаурари» (военный титул в императорской Эфиопии, соответствовавший генеральскому чину). Уже в стране у него родились двое сыновей — Михаил и Виктор. Михаил стал первым летчиком ВВС Эфиопии, одним из основателей этого рода войск. Во время Итало-эфиопской войны 1935–1936 годов он командовал всей немногочисленной авиацией страны — двенадцатью самолетами старых моделей [2: с. 361]. После войны перешел на дипломатическую работу и был послан в Москву в составе первого эфиопского дипломатического представительства в СССР. Крайне мало известно и о других представителях русской общины в стране до начала второй волны эмиграции из России после Октябрьской революции 1917 года — художнике Е.В. Сенигове, бароне Шедевре, подолгу жившем в Аддис-Абебе грузинском враче Петре Мерабишвили, ставшем придворным лекарем эфиопского императора, и некоторых других. Художник Е.В. Сенигов, по одной из версий, прибывший в Эфиопию в составе военной миссии, а затем оставшийся в стране, был придворным художником, написавшим портреты многих представителей эфиопской знати. Он даже получил участок земли, предоставленный за службу эфиопским императором. В 1924 году Е.В. Сенигов вернулся в СССР и предпринял ряд шагов для того, чтобы восстановить прерванные после Октябрьской революции в России дипломатические отношения двух стран, разорванные монархической Аддис-Абебой. Далее следы Е.С. Сенигова, обнаруженные крупнейшим российским африканистом А.Б. Давидсоном, теряются: неизвестно, остался ли художник в СССР или хотел вернуться на свою вторую родину, но не был выпущен советскими властями, был ли он репрессирован или сумел вернуться. Остается лишь надеяться, что в будущем историкам удастся

обнаружить материалы, проливающие свет на дальнейшую судьбу этой неординарной личности. Среди наиболее известных соотечественников, побывавших в Эфиопии в начале XX столетия, был и русский писатель Н.С. Гумилев, посетивший страну в 1911 и 1913 годах и оставивший множество стихов о стране, ее природе и обычаях.

Весьма интересна судьба эмигрировавшего в Эфиопию хорунжия М.В. Трофимова, поступившего на службу при правительстве императора Менелика II на должность агронома в Министерство земледелия (АВПРИ. Ф. 149. Турецкий стол (новый). Оп. 502 (б). Д. 5456. Л. 1). По свидетельству императорской миссии в Аддис-Абебе в Первый департамент МИД, М.В. Трофимов окончил Оренбургское юнкерское училище и был зачислен в Уральское войско в 1899 году, в 1900 году поступил в армию добровольцем и воевал против китайцев, участвуя в подавлении восстания Ихэтуань, где командовал третьей сотней 2-го Читинского полка Забайкальского военного округа. «В 1902 г., — свидетельствует далее документ, — покинул... службу по прошению, выехал из России по заграничному паспорту... и, прибыв в Абиссинию, поселился в окрестностях Харрара на участке земли, полученном от рас Маконнена во временное пользование» (АВПРИ. Ф. 149. Турецкий стол (новый). Оп. 502 (б). Д. 5456. Л. 3). В 1906 году М.В. Трофимов вернул землю правительству и отправился в имение поручика И.Ф. Бабичева недалеко от Аддис-Абебы, где продолжил заниматься земледелием вплоть до мая 1908 года, когда он перешел по просьбе Министерства земледелия Эфиопии на службу правительству Менелика II в должности агронома с ежемесячным жалованием 135 талеров (125 рублей).

Другим русским подданным, жившим в Эфиопии, был отставной казачий урядник Ефим Клименко. Сохранился интересный документ, подтверждающий поступление Ефима Клименко на службу эфиопскому правительству (АВПРИ. Ф. 422. Миссия в Аддис-Абебе. Оп. 1. Д. 10. Л. 99). В материалах миссии содержится упоминание о роде занятий Е. Клименко, а именно, разведении и продаже овощей и фруктов, «...какое ремесло едва дает ему возможность... кое как пропитаться и в виду неимения у него никакого имущества, миссии едва ли удастся взysкать с него что-либо по упомянутому исполнительному листу, по крайней мере в ближайшем будущем» (АВПРИ. Ф. 422. Миссия в Аддис-Абебе. Оп. 1. Д. 10. Л. 171). Как показывает данный отрывок, Е. Клименко жил в крайней нужде и бедности.

Пик эмиграции пришелся на послереволюционный период — 1925–1935-е годы, когда в Абиссинию прибыло 17 русских офицеров (из них 2 генерала), 6 инженеров, 4 доктора, протоиерей и несколько человек различных профессий. В результате подобного переселения к 1935 году в Аддис-Абебе возникла небольшая русская диаспора, насчитывавшая порядка 80 человек со своей церковью святой Троицы и русским кладбищем. Большинство переселенцев работали топографами, адвокатами, служили в качестве офицеров в молодой эфиопской армии. Так, Ф. Шиманский стал старшим инженером муниципалитета, а Н.П. Вороновский — инженером железной дороги Аддис-Абеба — Джибути [4: с. 13].

Немалую известность среди местного населения и представителей диаспоры получил и русский офицер Федор Евгеньевич Коновалов, в годы войны с фашистской Италией ставший военным советником императора Хайле Селассие. Среди эмигрантов встречались и аристократы, как например, граф Фермор, возглавивший императорскую гвардию; князь Татищев — организатор Эфиопского банка, офицеры — Дитрихсы, Крузенштерны, Сенявины, Бенклевские и др. [3: с. 379].

Чрезвычайно интересно сложилась судьба русского поэта Павла Петровича Булыгина — участника Гражданской войны, эмигрировавшего после ее окончания и лично знакомого с императором Хайле Селассие, который прожил в стране двенадцать лет [3: с. 380].

Таким образом, следует отметить, что в период конца XIX — начала XX веков происходило интенсивное развитие русско-эфиопских общественных и культурных отношений, формировалась основа для развития политических и торговых связей двух стран. Несмотря на тяжелейшие потрясения, выпавшие на долю России в годы Первой мировой войны, революции 1917 года и Гражданской войны, эти связи не прекратились и во второй четверти XX века. Немаловажную роль в их интенсификации сыграл опыт культурных взаимоотношений конца XIX века, когда формировался устойчивый интерес стран друг к другу, определялись приоритеты внешней политики молодой эфиопской империи. Оценка этого опыта позволяет прийти к выводу о взаимовыгодности общественных и культурных контактов на данном этапе, интересе общественности двух стран в дальнейшем их развитии, несмотря на происходившие в мире политические процессы.

Литература

1. Агуреев С.А. История географического изучения Эфиопии членами Императорского Русского географического общества. М.: У Никитских ворот, 2010. 111 с.
2. Давидсон А.Б. Муза странствий Николая Гумилева. М.: Наука, 1992. 316 с.
3. Давидсон А.Б. Николай Гумилев и русская эмиграция в Эфиопии // Новый журнал, Нью-Йорк. 1977. № 196. С. 376–381.
4. Турчанинов Г. Русские в Эфиопии // Военно-исторический вестник. Париж: Русское слово, 1975. № 45/46. С. 8–13.

Literatura

1. Agureev S.A. Istoriya geograficheskogo izucheniya E'fiopii chlenami Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshhestva. M.: U Nikitskix vorot, 2010. 111 s.
2. Davidson A.B. Muza stranstvij Nikolaya Gumileva. M.: Nauka, 1992. 316 s.
3. Davidson A.B. Nikolaj Gumilev i russkaya e'migraciya v E'fiopii // Novy'j zhurnal, N'yu-York. 1977. № 196. S. 376–381.
4. Turchaninov G. Russkie v E'fiopii // Voенно-istoricheskij vestnik. Parizh: Russkoe slovo, 1975. № 45/46. S. 8–13.

S.A. Agureev

**From the History of Development of Russian-Ethiopian Public
and Cultural Relations at the End of XIXth – the Beginning of XXth Century**

This article is devoted to the little-known history aspects of the development of Russian-Ethiopian public and cultural relations, including the problem of the Russian emigration to Ethiopia and teaching of nationals of Ethiopian empire in educational institutions in Russia. By using archival documents and materials, the author recreates a picture of development of public relations of the two countries, analyzes the causes of activation of the turn of the XIX–XX centuries of special interest of the Russian public to the area of the Horn of Africa.

Keywords: Russian-Ethiopian public relations; emigration; cultural exchange; public opinion.